
ПРОБЛЕМИ КОМПАРАТИВІСТИКИ

УДК 821.161.1Лермонтов/Шевченко«18»

Леслава Кореновская

М. ЛЕРМОНТОВ И Т. ШЕВЧЕНКО: ДИАЛОГ СУДЕБ И ТВОРЧЕСТВА

В статье рассматриваются параллели, касающиеся биографии, поэтического творчества и картинного наследия Лермонтова и Шевченко. Представлены точки соприкосновения в литературном плане. Проведён анализ картин русского и украинского художников с целью эксплицировать многогранность таланта обоих поэтов-художников.

Ключевые слова: романтическая идея, мотивы, обратная перспектива, светотень, прекурсор импрессионизма.

У статті розглядаються паралелі, які торкаються біографії, творчості та картинної спадщини Лермонтова і Шевченка. Представлено точки дотику у літературному плані. Проведено аналіз картин російського та українського художників із ціллю експлікувати багатогранність обох геніїв.

Ключові слова: романтична ідея, мотиви, зворотна перспектива, світотінь, прекурсор імпресіонізму.

The article considers the parallels that affect biography, creativity and art heritage Lermontov and Shevchenko. Presented common ground in literary terms. The analysis of paintings of Russian and Ukrainian artists with the aim to explicate the diversity of both geniuses.

Key words: romantic idea, motivation, reverse perspective, world-shadow precursor of impressionism.

В 2014 году отмечалось 200-летие со дня рождения двух гениев мировой культуры — Михаила Лермонтова и Тараса Шевченко. Это не только выдающиеся мастера поэтического и прозаического слова, но также талантливые художники. Многие исследователи творчества русского и украинского поэтов приходят к выводу, что судьбы их, казалось бы, не похожие, на первый взгляд, переплетены и соприкасаются. Остановимся на трёх точках соприкосновения Лермонтова и Шевченко: биографические параллели, творческие инспирации и картинное наследие.

В раннем возрасте оба потеряли матерей — Лермонтов воспитывался у бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, а Шевченко после смерти отца остался на попечении не любившей его мачехи Ок-

саны Терещенко (Григорий Шевченко вторично женился на вдове, у которой было трое своих детей), а после побега от мачехи опекуном малолетнего Тараса стал его дядя Павел; оба жили в сельской местности (соответственно — деревня Моринце на Киевщине и Тарханы Пензенской губернии); у обоих с детства было сильно развито чувство красоты и впечатлительности на окружающую природу (юный Тарас искал столбов, подпирающих небо, а Лермонтов в стихотворении, датированном 1831 г. июня 11 дня, напишет: «моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала»); в детстве они с восхищением слушали народные песни, неторопливые рассказы о волжских разбойниках и запорожских казаках; оба обучались в высших учебных заведениях (Лермонтов — в Московском университете и Петербургской юнкерской кавалерийской школе, а Шевченко — в Петербургской Академии художеств); за свои стихи и смелую гражданскую позицию оба попали в «немилость» царя и были сосланы (Шевченко — с «запретом писать и рисовать» в Оренбургскую крепость, в киргизские степи, а затем на полуостров Мангышлак; Лермонтов же был отправлен в действующую армию на Кавказ); почти одновременно оба громко заявили о себе как талантливые поэты; и Лермонтов, и Шевченко страдали от одиночества и неразделённой, трижды встречавшейся им, любви (остались признания Лермонтова о том, что он три раза любил и три раза безнадежно; Шевченко трижды просил руки у женщин и получал отказы); оба умерли на чужой земле и прах обоих был перезахоронен...

В творчестве русского и украинского поэтов встречается немало поразительных параллелей-совпадений. Лермонтов и Шевченко творили в эпоху романтизма. Следует заметить, что черты этого литературного направления проявили себя по-разному в их творческом наследии. Лермонтов считал Пушкина и Байрона кумирами и в жизни, и в литературе, т.е. романтическая идея у русского поэта была тесно связана с красотой слога, вольномыслием, некой завуалированной печалью, напущенной меланхолией, жгучим желанием быть любимым, рискованностью, которая проявлялась в решении сражаться в самых опасных точках. Шевченко же писал стихи в совершенно ином ключе. Его сочинения носят болезненный отпечаток его биографии — годы крепостничества закрепили в Шевченко стремление получить волю, заявить о себе, стать знаменитым, разбогатеть. Конечно же, Лермонтов не читал Шевченко. Последний же знал стихи

русского поэта и высоко ценил их. Важным, кажется, является факт локации чтения Шевченко поэзии Лермонтова — это были годы ссылки, когда Кобзарь более всего чувствовал потребность общности мысли с кем-то, для кого свобода, сила слова, стойкая жизненная позиция превыше всего. Примерами могут послужить перекликающиеся между собой стихотворения с одинаковым названием «Пророк». В обрисовке пророка («Неначе праведних дітей») Шевченко заметно влияние Лермонтова. Приведённые ниже строки звучат в унисон, представляя картину, в которой пророка забрасывают камнями; при чем русский вариант звучит в размеренном повествовательном темпе, украинский же наполнен большей экспрессией:

*В меня все ближние мои
Бросали бешено каменя.*

*І мужа свята... горе вам!
На стогнах каменем побили.*

Начало известного стихотворения «И скучно и грустно! — и некому руку подать/В минуту душевной невзгоды...» минорно-тягуче слышится в шевченковском: «Чого мені тяжко, чого мені нудно, / Чого серце плаче, ридає, кричить, / Мов дитя голодне?». В дневниковых записях Тараса Григорьевича упоминаются стихотворения «Горные вершины», «Когда волнуется желтеющая нива», «Тучи», которые были созвучны мыслям и чувствам ссыльного поэта. Шевченко с восхищением говорил о стихотворении «Выхожу один я на дорогу»: «Ночь. Лунная, тихая, волшебная. Как прекрасно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз, как лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармонии в своём бесконечном мироздании» (Новопетровское укрепление, 1853 г.). В поэмах «Слепая», «Тризна», «Сон», стихотворениях «Ну что, казалось бы, слова», «Проходят дни, проходят ночи» проявляются мотивы и образы Лермонтова. Начало XI главы поэмы «Неофиты» Шевченко перекликается с «Умирающим гладиатором» русского поэта. Сравним: «Ликую Рим. Перед кумира / Везуть возами ладан, мірро, <...> / Мов у різниці / Кров потекла. Ликую Рим!» и «Ликует буйный Рим... торжественно гремит / <...> / И кровь его течёт — последние мгновенья / Мелькают — близок час...». Лермонтовское переложение 4 песни (140–141 строки) «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрона звучит в унисон с шевченковским представлением гибели первых христиан на кровавой арене Рима. Пребывая в Новопетровске, Шевченко за-

печатлел в своём блокноте рисунок-гравюру (офорт) к «Умирающему гладиатору» Лермонтова.

Одно из лучших стихотворений Великого Кобзаря «І станом гнучким» написано под влиянием известной «Молитвы» Михаила Юрьевича. Сравним строки, наполненные просьбой послать на закате лет любимой женщине ангела-спасителя:

*Срок ли приблизиться часу прощальному
В утро шумное, и ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

*Хто коло тебе в світі стане
Святим хранителем твоїм?
І хто заступить? хто укріє
Од зла людського в час лихий?*

Романтически-певуче звучат лермонтовские строки благодаря аллитерации: чередование шипуче-свистящих согласных «ш» и «с» создаёт таинственно-лирический звуковой фон. Украинский фрагмент представлен в другой тонации: он переполнен риторическими вопросами, адресованными лирической героине, в которых чувствуется забота и волнение за её судьбу.

Пребывая в ссылке в 1850 году, Шевченко обращается в письмах к своим друзьям с просьбой прислать ему «ради поэзии святой Лермонтова хоть один том, великую-превеликую радость пришлётё с ним вашему благодарному и бесталанному земляку» (письмо к одному из шести братьев Лазаревских от 20 декабря 1847 г.). В стихотворении «Мені здається, я не знаю», написанном в Оренбурге в 1850 году, Шевченко выражает слова благодарности Михаилу Лазаревскому (1818–1867) за то, что тот прислал ему два томика стихов русского поэта:

*Ти переслав мені в неволю
Поета нашого, — на волю
Мені ти двері одчинив!*

В свою очередь, эхо украинского языка проникает в такие произведения Лермонтова, как «Герой нашего времени» и «Вадим». Биографы русского поэта вспоминают о любви Лермонтова к княгине Марии Алексеевне Щербатовой (дочери украинского помещика Алексея Петровича Штерича, серба по происхождению), двадцатилетней красавице-вдове. Стихотворение «На светские цепи» посвя-

щено молодой украинке. В нем поэт запечатлел не только пленительный облик женщины, но и образ её родины.

*Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова её уст ароматных.*

Появление украинской темы в творчестве Лермонтова не было случайным. Как пишет Э. Э. Найдич, «после пушкинской «Полтавы» и повестей Гоголя тема Украины прочно вошла в русскую литературу. К этому времени укрепились связи украинской и русской интеллигенции. <...> Тем более, в мае 1840 года Лермонтов в Москве встречался с Гоголем и М. Щепкиным, связанными с украинской культурой» [7, с. 404].

Тема Кавказа также была близка обоим поэтам. На родину горцев Лермонтова влекли воспоминания из детских лет, романтический тонус мироощущения и тоска по чем-то грандиозном и необычном. Попасть на Кавказ считалось в то время модой для «разочарованных байронических» юношей. Вскоре Лермонтов, уже как сосланный за политическую вину офицер, увидел совершенно другой Кавказ: это была арена исторической драмы, место для «славы доблестного русского воинства», место получения чинов, орденов, богатства и высочайшей милости [3, с. 337]. Свои рассуждения о настоящем положении горцев и их борьбе за независимость, о том, что есть «отечество» и что есть «враг», он изобразил в восточной повести «Измаил-Бей» (1832).

Как считает литературовед М. Гаско, Лермонтов и Шевченко могли встречаться в 1839 году на квартире художника В. Штернберга в Петербурге на литературном вечере. Кроме того, у них были общие друзья. Так, известна тесная связь Шевченко с художником Григорием Гагариным, с которым Лермонтов пребывал на Кавказе в мае 1840 года и даже жил с ним в одной палатке. Интересно свидетельство современника поэта А. В. Мещерского о том, что Лермонтов «хорошо говорил по-малороссийски». Даже сохранилась интересная деталь, что денщиком у Лермонтова был солдат-украинец, с которым он разговаривал на украинском языке. Известно также, что поэт очень любил и ценил украинский юмор, знал много анекдотов и умел их рассказывать на языке оригинала. В Пензенском архиве хранятся до-

кументы о том, что ещё ребёнком Лермонтов дважды побывал с бабушкой Арсеньевой в Киеве, а также в городке Переволочне Прилуцкого уезда (теперь это Прилуцкий район Черниговской области), где находилось имение Арсеньевых.

Тот факт, что оба брали уроки рисования у известных художников, также говорит о сходстве судеб гениев и таланте писать не только при помощи вербального материала, но и кисти. В 1838 году Шевченко благодаря продаже на аукционе портрета В. Жуковского кисти К. Брюллова приобретает свободу — помещик П. Энгельгардт подписывает «вольную» своему крепостному. Перед Шевченко открылись двери Петербургской Академии художеств. В 1830-е годы Лермонтов брал уроки рисования сперва у домашнего учителя А. Солоницкого. От времени занятий с Солоницким до нас дошли две вещи Лермонтова: «Ребенок, тянущийся к матери» и «Мадонна», которые являются типичными ученическими перерисовками с эстампов, имевших в то время большое распространение. Когда Лермонтов переехал в Петербург в 1832 году, он начал брать уроки у художника П. Заболотского, обучающего в аристократических семьях.

Украинский и русский поэты оставили много документальных путевых набросков. Лермонтов — виды Кавказа во время ссылки в действующую армию. В письме к С. А. Раевскому в конце 1837 года поэт писал о набросках, сделанных им с натуры, проезжая по Военно-Грузинской дороге: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию...». Думается, глагол «снял» скорее всего значит зафиксировал с максимальной точностью, зарисовал [1, с. 76].

Шевченко получил заказ сделать эскизы морского берега во время экспедиции на Аральское море, организованной капитаном Алексеем Бутаковым в 1847—1849 годах. Такие документальные наброски, эскизы служили в то время достоверными топографическими картами — настолько верно они отображали ландшафт. На пейзажных зарисовках обоих художников запечатлен зрительный образ драматической ситуации, полной психологизма и внутреннего видения мастеров кисти.

Конечно же, сравнивая картинное наследие обоих гениев, с уверенностью можно сказать, что Шевченко обладал огромным талантом художника, в то время как Лермонтов всё же не был признан известным художником.

Размеры художественного наследия Лермонтова до сих пор точно не определены. Согласно Н. П. Пахомову, сохранилось 11 картин, написанных маслом, 51 акварель, 50 рисунков, два альбома (в одном около 200 рисунков, а во втором — 20 рисунков и набросков, относящихся к 1840–1841 гг.), 70 зарисовок, находящихся в рукописях поэта [8, с. 60]. Русский искусствовед и литературовед А. М. Эфрос одним из первых коснулся живописи Лермонтова в своей книге о рисунках Пушкина: «Сколько часов отдал Лермонтов своему живописному прилежанию, — этим маслом, акварелям, туши <...> Он очень старался, он выписывал листочки на деревьях, пуговицы на мундирах, он лошил картины, как заправский эпигон академической школы» [2, с. 271]. Картины и акварели Лермонтова имеют совершенно самостоятельное значение. Большинство его рисунков или набросков местностей, в которых побывал поэт, — это именно рисунки «на случай».

Когда рассматриваем рисунок и картины поэта, не думаем о нём как о профессиональном живописце, мастерски владеющем чисто техническими навыками. «Ценность этих рисунков и картин определяется уже тем, что они принадлежат Лермонтову», — пишет К. Н. Григорян в статье «Живопись Лермонтова» [2, с. 272]. Н. Белявский рассматривает рисунки поэта как «своеобразный графический комментарий к литературным замыслам Лермонтова, утверждая, что они чаще всего бытуют вне литературных черновиков» [2, с. 272]. Имеется в виду сближение графических и литературных образов не столько по сюжету, сколько по общности тематики. Рисунки Лермонтова «дышат тем же неукротимым жизненным темпераментом, экспрессивностью и эмоциональной напряженностью, что и его стихи. Они всегда значимы как своеобразный спутник творчества, как параллельный ассоциативный ряд, раскрывающий художественные устремления поэта» [2, с. 272]. Примерами могут послужить рисунки Лермонтова на военную тему (1836–1837): «Схватка юных егерей с французскими кирасирами», «Русские гренадёры отбивают атаку французских уланов» и др., иллюстрации к повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» или же картины-пейзажи Кавказа (1837–1838): «Дарьяльское ущелье» и «Замок Тамары», «Тифлис. Метехский замок», «Кавказский вид с Эльбрусом», «Воспоминание о Кавказе» и др. Выполненные карандашом, «военные» рисунки Лермонтова представляют разгар боя, в котором чувствуется динамизм, напряжение, отвага и сила противоборствующих сил, причем нет чет-

кого представления каждого бойца, вида оружия, коня и т. д. и сделаны они далеко не профессионально. «Кавказские» же полотна не что иное, как пейзажно-бытовые зарисовки из жизни горцев, в которых сквозь настоящее и обыденное кавказцев просвечивается прошлое в виде величественных замков, представленных чаще всего на втором плане и на возвышении, вытянутых вверх и касающихся неба. Кажется, что на всё, что рисует поэт, он смотрит как бы с «небес», с высоты романтической мечты. Можно констатировать, что в характере восприятия природы в пейзаже Лермонтова определяющим звеном является небо как пространство без границ, чистоты, полета мысли и души. Важным является тот факт, что Лермонтов не писал снимки местности, поэтому невозможно найти «прототипов» его кавказских пейзажей. «Даже рисуя с природы, Лермонтов выбирал пейзаж пофантастичнее, в чем определённо заявил себя живописцем-романтиком» [2, с. 279]. Видение Кавказа Лермонтовым — это его внутреннее видение «чудного мира», «где люди вольны, как орлы».

Что касается портретов Лермонтова, то здесь можно заметить больший профессионализм и щепетильность в экспликации изображаемого лица. Например, портрет В. А. Лопухиной-Бахметовой выполнен необыкновенно чётко и с огромной симпатией. Без сомнения, Лермонтов питал искренние чувства к этой женщине, поэтому вложил в каждый завиток волос, складку на платье, плавный изгиб шеи и губ, устремлённость выразительных глаз всё своё мастерство и любовь. О Лермонтове-портретисте можем отчасти судить и по его автопортрету 1837 года. «Оригинал долгое время оставался неизвестным и <...> исследователи были вынуждены пользоваться копией, выполненной О. А. Кочетовой в 1880 г. по поручению П. А. Висковатого» [2, с. 274]. Подлинник автопортрета Лермонтова, где у него на плечах брошена бурка, был обнаружен в 1962 году в Германии. Несмотря на недостатки с точки зрения живописной техники, он представляет исключительную ценность как незаменимый художественный документ, позволяющий судить, каким в действительности был Лермонтов, подчеркивая его угрюмый нрав, тяжелый сосредоточенный взгляд, задумчиво-грустное выражение лица (что подтверждают те, кому доводилось встречаться с поэтом).

Оценивая рисунки и картины Лермонтова кавказского цикла, с уверенностью можно сказать в след за Н. Пахомовым, что, хотя они и «грешат против многих правил живописного мастерства, все они

овеяны духом гениального Лермонтова, все они таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные краски его зрительных впечатлений» [8, с. 79].

Картинное наследие Шевченко составляет свыше 800 картин, этюдов, эскизов, гравюр, иллюстраций к книжным изданиям, большая часть которых находится в музеях Украины, России, Казахстана, США и Польши.

Шевченко считал, что художник, отображая природу и реально передавая её средствами искусства, входит в глубину её внутреннего содержания, открывает её связь с сущностью людей, и в этом кроется таинственный источник магической силы искусства. «Высокое искусство сильнее действует на душу человека, сильнее, нежели самая природа. Какая же непостижимая Божественная тайна в этом деле руки человека, в этом божественном искусстве? Творчеством называется эта великая божественная тайна и <...> завидный жребий великого поэта, великого художника», — напишет Шевченко в повести «Прогулка с удовольствием и без морали». Как бы в ответ на слова поэта о том, что «живопись — моя профессия», первый учитель Кобзаря И. Сошенко утверждал, что если бы Шевченко не оставил свои стихи, то стал бы ещё большим художником, чем поэтом. Сам же автор поэмы «Катерина», подобно древним грекам, чувствовал, что мир построен по законам музыкальной гармонии, у него своя циклическая музыкальная форма, свой лад, ритм, темп и логика, в этом мире не допускаются разрушения: «свободный художник настолько ограничен окружающей его природой, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами». Не зря друг и соратник поэта П. Кулиш утверждал, что Шевченко обладал тремя талантами: поэтическим словом, живописью и музыкой. Сравнивая с Лермонтовым, можно привести слова биографа поэта П. Висковатова: «Михаил Юрьевич имел дарование к музыке и большой талант к живописи. Он его не выработал, но был момент в жизни, когда он колебался между живописью и поэзией» [8, с. 68]. Приведённое высказывание служит доказательством трёхступенчатого таланта обоих поэтов.

Картины Шевченко настолько гармонично-музыкальны, что хочется их пропеть словами Великого Кобзаря. Напр., картина «Катерина», написанная к одноименной поэме, как нельзя лучше передаёт весь драматизм покинутой девушки, а её уста как бы декламируют

шевченковський завет: «Кохайтесь, чорнобриві, / Та не з москалями, / Бо москалі — чужі люде, / Роблять лихо з вами». На цьому полотні, написаному маслом, ми можемо спостерігати іконописну зворотню перспективу — фокус її сприйняття знаходиться в душі реципієнта.

Заслуга Шевченка в тому, що він кистю художника явив світові свій народ, свою Україну, — «народ неординарний оригінальний, прекрасну землю і все, що не бачили очі освічених людей». Як вважає польський дослідник творчості українського поета Е. Енджеєвич, «Шевченко створював композиції, в яких проявляються риси предметів, незаметні для простого ока; він вмів представити їх в певному освітленні і з певної точки, звертаючи увагу глядача на їх «душу» [5, с. 269]. В кожній композиції є чітко продуманий центр; пейзажі завжди оживлені фігурами людей і тварин. За декілька майстерно виконаних малюнків Шевченко двічі був нагороджений срібними медаллями, а 26 вересня 1841 року від Ради Академії мистецтв одарований студент отримав третю медаль за картину «Цыганка-гадалка».

Сьогодні Шевченко визнаний не тільки як майстер сучасного поетичного стилю, але і як основоположник сучасного гравірувального мистецтва в Східній Європі; художник, який стояв у витоків українського жанру і який вкритично подошов до імпресіоністическої живописи, опередив французів на ціле десятиліття. Прикладом може послужити картина «На пасіці» (1843), написана в селі Качанівці (навколишність Батурини), де Шевченко гостив у українського пчеловода Петра Івановича Прокоповича. На полотні зафіксована сім'я Прокоповича в час збору меду. Фігури представлені на фоні, створеному з пастельних відтінків, серед яких переважають всі можливі відтінки брувато-зелених, жовто-землистих, золото-сизих відтінків, що створює атмосферу певної таємничості, легкості і прозорості. Фігури в центрі картини написані як би одним мазком контрастних відтінків: біло-сірий і чорно-болотний, тим самим роблячи їх більш конкретними і здатними фокусувати увагу глядача. Недосказанність, розмитість контурів, невиразність очей і губ — все це дозволяє говорити про імпресіоністическу живопис Шевченка.

Незаперечної уваги заслуговують портрети Шевченка, виконані олівцем (1856–1859). Вони не тільки створюють цілісний етап в розвитку портретного мистецтва художника, але і

свидетельствуют о нём, как о мастере-виртуозе в области тогдашнего российского искусства (портреты Г. Закревской, княгини В. Репниной, супругов Михаила и Марии Максимовичей и др.). Количество автопортретов Шевченко трудно сосчитать. Многие из них не дошли до нашего времени и известны лишь по переписке художника или воспоминаниям его современников. Многие разбросаны на полях рукописей литературных произведений поэта, писем, на листах рабочих альбомов и даже на рисунках других художников. Одной из характерных манер художника-автопортретиста является представление себя на втором плане, а также на первом с конкретным предметом или в определённой одежде: «Байгуши» (1855–1856), «Казарма» (1857), «Автопортрет со свечой» (1860), «Автопортрет в светлом костюме» (1860), «Последний автопортрет» (1861) и др.

Пейзажи Шевченко — это удивительно мастерски написанные картины, на которых запечатлены с документальной точностью и поэтическим размахом красочные места родной и чужой земли. В отличие от Лермонтова, Шевченко писал свои пейзажи с невероятной щепетильностью, стараясь передать все детали представленного фрагмента природы, добиваясь максимального сходства с оригиналом.

В ссылке Шевченко было запрещено писать и рисовать, но судьба была благосклонна к украинскому поэту. Мемуаристы, особенно М. М. Лазаревский, отмечают участливое отношение коменданта Орской крепости генерал-майора Д. Исаева к судьбе Шевченко (1847), а спустя 9 лет комендант Новопетровской крепости майор И. Усков, нарушив царский запрет, разрешил ссылке поэту изредка рисовать «воровски», писать и получать письма от друзей. Именно там Шевченко написал иллюстрацию к «Умиравшему гладиатору» Лермонтова (1856), сепии «Казашка Катя» (1856–1857), «В тюрьме» (1857) и др. Следует отметить, что рембрандтовское моделирование светотени ещё не было доступно в петербургской академии, но Шевченко, подчиняясь гениальной интуиции и художественной памяти, поддерживает своей сепией трепетную жизнь, приближаясь к раскрытию её тайны. Во время обучения в академии, Шевченко первые три года, согласно программе, рисовал гипсовые фигуры. Но особенный интерес проявил к гравюру, или эстампу. По праву художника можно назвать «русским Рембрандтом», а также первым академиком гравюры.

Подытоживая, с определённой можно сказать, что Лермонтов и Шевченко — два гения, наделённые многими гранями таланта, причем таланта, окутанного некоей вуалью таинственности, приоткрыть которую остаётся задачей многих исследователей творчества русского и украинского поэтов-художников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобарыкин В. В. Три встречи с Лермонтовым / В. В. Бобарыкин // Русский Библиофил. — 1915. — № V. — 76 с.
2. Григорян К. Н. Живопись Лермонтова / К. Н. Григорян // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы / [под ред. М. П. Алексева и др.]. — Л. : Наука, 1979. — С. 271–283.
3. Дзюба І. Тарас Шевченко / І. Дзюба. — К. : Альтернатива, 2005. — 704 с.
4. Доля. Книга про Тараса Шевченка в образах та фактах / [автор-упорядник В. О. Шевчук]. — К. : Дніпро, 1993. — 779 с.
5. Єнджеєвич Є. Українські ночі, або Родовід генія : [роман-есе] / Є. Єнджеєвич ; [перек. з польської В. Іванисенка] ; [вступне слово Д. Павличка]. — Львів : Атлас, 1997. — 445 с.
6. Меликов М. Е. Заметки и воспоминания художника-живописца / М. Е. Меликов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников [сост., подгот. текста и ком. М. И. Гиллельсон]. — М. : Худ. лит., 1989. — С. 72–75.
7. Найдич Э. Э. Стихотворение «М. А. Щербатовой» (Лермонтов и Е. П. Гребенка) / Э. Э. Найдич // М. Ю. Лермонтов, Исследования и материалы / [под ред. М. П. Алексева и др.]. — Л. : Наука, 1979. — С. 403–409.
8. Пахомов Н. Живописное наследие Лермонтова / Н. Пахомов [Электр. ресурс]. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/145/145-055-.htm>
9. Чумарна М. Тихий ангел пролетів. Сповідь Т. Г. Шевченка. Тризна / М. Чумарна. — Львів : Апріорі, 2007. — 80 с.

Стаття надійшла до редакції 23 лютого 2015 р.